

Волгарь. Н. Новгород.

1894. 10 февраля. № 32.

С.З.

Арабески.

(Из мира искусства и литературы).

В той же книжке «Артиста» помещен интересный рассказ г. Чехова: «Черный монах». Рассказ этот написан со свойствами автору поэзией и грацией, больше юронъ и зинченъ, чѣмъ «Бабье царство», и читается съ увлечениемъ. И однако же, онъ опять-таки представляется ребусъ, который критики разрѣшаютъ различно. Одни пишутъ, что г. Чеховъ желалъ въ своемъ героѣ нарисовать современнаго Поприщина, что едва-ли справедливо, такъ какъ онъ ни въ нормальномъ своемъ состоянн, ни въ сумасшедшемъ Поприщинымъ собственно не рисуется. Другіе говорятъ, что своимъ рассказомъ г. Чеховъ желалъ иллюстрировать теорію о родствѣ гениа съ помѣшательствомъ, что опять-таки едва-ли справедливо, такъ какъ герой рассказа, Коприцъ, въ состоянн помѣшательства гениальности не пропалъ и, когда въ нормальномъ состоянн читалъ наши санины въ прежнемъ, то «въ каждой строчкѣ видѣлъ онъ страннаго, ни на чемъ не основаннаго претензіа, легкомысленный задоръ, дерзость, манію величія, и это приводило на него такое впечатлѣніе, какъ будто онъ читалъ описаніе своихъ порывовъ».

Какъ бы то ни было, рассказъ г. Чехова очень живъ, правдивъ и, если авторъ, при посредствѣ художественной перспективы, не вынуждаетъ читателя такою опредѣленнымъ, всаго представляемъ, какое напр. вынуждаетъ Гоголь въ «Замѣткахъ сумасшедшаго», то во всякомъ случаѣ рассказъ его можетъ служить матеріаломъ для выводовъ. Впечатлѣніе, какое онъ вынуждаетъ—это ужасъ, предъ слабостью человека, который находится въ зависимости отъ своего тѣла, отъ своихъ нервовъ, при чемъ отъ состоянн послѣднихъ зависитъ и его личная жизнь, и жизнь его окружающихъ. Выводъ пессимистическій, но въ результатѣ его является жалость къ человеку, а не отвращеніе, какъ и въ другихъ рассказахъ г. Чехова.

Кстати, упомянемъ о самомъ послѣднемъ, небольшомъ рассказѣ г. Чехова: «Скрипка Ротшильда», который мы настрѣтили въ послѣднихъ номерахъ «Рус. Вѣд.» Рассказъ это далеко не важный, мѣстами дѣлиный (напр. тамъ, гдѣ гробовщикъ, много думавшій объ убыткахъ, расширяетъ теорію убытковъ на весь міръ, размышляя о томъ, сколько людей терять убытковъ отъ того, что не живутъ въ любви), и только по азыку напоминаетъ г. Чехова. Скрипка въ рассказѣ не играетъ большой роли, а еще меньше Ротшильдъ, такъ какъ именемъ этимъ названъ бѣдный еврейчикъ, эпизодически появляющійся въ рассказѣ.

А. Уманскій.